

Международная конференция

(Анти-)архив: Мемориальные практики советского андеграунда

Университет Дрездена, 11-13 февраля 2021

«Архивный поворот» изменил облик философии, культурологии и искусства последних тридцати лет. Постструктурализм, и более всего работы Мишеля Фуко и Жака Деррида, актуализировал феномен архива, превратив его в эпистему формирования исторической памяти и не в последнюю очередь контроля над ней. Основной здесь стала мысль, что архивация как одна из центральных мемориальных практик не (только) воспроизводит нарратив прошлого, но производит его, легитимирует архивируемое как возможное и потому значимое высказывание. Интерес к «аппарату управления» коллективной памятью в гуманитарных науках и искусстве последних десятилетий симптоматичен после падения авторитарных и колониальных режимов и, более того, как реакция на массовое истребление человеческих ресурсов/жизни. В фокус исследовательского внимания попали такие темы, как неравномерность распределения мемориальных ресурсов; условия и практики архивации табуированных или (временно) невоспроизводимых слоев культуры и истории; уничтожение или сокрытие документов, а также формы коллективной мнемотехники, нередко зависящие от власти и политики.

Советская неофициальная культура не только сама была объектом запрета и вытеснения, но и платформой, точнее, целым рядом платформ по поддержанию, систематизации и изучению табуированной памяти. Этот метауровень культурной и филологической (авто-)рефлексии, как и ее эстетизация, еще мало известен. Практики собирания, распределения и архивирования, субъектом которых выступала неподцензурная культура, были эффектом и следствием изоляции: отсутствия институций, традиционно берущих на себя работу по упорядочиванию и, в конце концов, канонизации культурного наследия. Невозможность делегировать хранение, отбор и анализ артефактов и идей привели к культуре «дилетантских» архивов и частных мемориальных практик. Так, Вадим Захаров, один из создателей архива МАНИ, писал об obsesии бессистемного, безостановочного собирания у немалого количества видных представителей неофициальной культуры.

Тема «Архив и андеграунд» включает разные аспекты, которые должны составить предмет дискуссии.

Это, во-первых, распространенные в среде андеграунда практики передачи собственности, хранения и каталогизации артефактов и текстов – от актов дарения до частных коллекций в России и за границей. Значимым было то обстоятельство, что роли художника, артиста, зрителя и куратора/культурного агента часто сливались в пределах «сетевой структуры» единой акции, а художественный объект был разомкнут в ближайшее пространство, обнаруживая свою художественную и экономическую ценность в зависимости от коммуникативной ситуации и круга присутствующих.

С этим обстоятельством связан, во-вторых, и тот еще совсем мало изученный факт, что органы власти (напр., милиция и КГБ) – своеобразный проводник неофициальной культуры в публичное пространство – нередко значительно лучше, подробнее и вернее сохраняли ее наследие, чем она сама это могла сделать: с помощью сексотов, становившихся членами и акторами неофициальных кругов, и их подробных отчетов и описаний. В последнее время появляются исследования не только техник и содержания, но и эстетики архивов милиции, служб разведки и органов безопасности.

В-третьих, это тема перформативного архива. С 1960-х годов искусство разных стран использует феномены каталога, музея и документации для анализа исторических и мемориальных процессов. И здесь вплоть до конца 1980-х годов наиболее значимым было, пожалуй, рождение концептуального и – шире – постмодернистского архива. Именно он наиболее тесно связан с синхронной ему и последующей парадигмой постструктурализма. Понимание архива как события, формирующего исторические дискурсы и высказывания о прошлом, переходит в культурологические работы 2000-х годов, напр., Свена Спикера и Бориса Гройса, проблематизирующих связь копии с оригиналом, отношения между пространством архива и внеархивного «текущего». В центре внимания здесь находится модель анти-архива, когда соседство свидетельств прошлого не приводит к реконструкции хронологии событий, но отсылает лишь к самому себе, к означаемому процессу архивации, отрицая телеологию и достоверность памяти. Постмодернистский архив ставит под сомнение индексальную связь собрания следов с прошлым, возможность рассказать историю. Особой версией такого архива стал советский андеграунд. В нем – нередко иронически – исследовалась, семантизировалась и превращалась в прием процедура селекции и канонизации материала. Уже в начале 1990-х годов Георг Витте и Сабине Хэнсген проанализировали Лианозово как интермедийное и в высшей степени авторефлексивное творческое содружество со своей собственной, ставшей эстетикой практикой самоархивации: имитацией культурного отбора и культом мусора. Традиция ранне-концептуального лианозовского андеграунда ведет к позднему: в «Новой Академии Изящных Искусств» Тимура Новикова практикуется игровая бюрократия, производятся бумажки, печати, отчеты, удостоверения и постановления.

В-четвертых, участники андеграунда, как упоминалось выше, часто сами становились аналитиками, историками и архивариусами культуры прошлого, (полу-)запрещенной наверху, а особенно авангарда и модернизма. И здесь важны не только частные коллекции, названные в первом пункте, но и исследовательская метапозиция задействованных фигур. В рамках деятельности группы трансфуристов Ры Никонова пишет рецензии на ленинградские журналы, а Сергей Сигей публикует архивные материалы авангарда и исправляет ошибки в его западных публикациях. Трансфуристы также инициируют проект по сохранению памяти о погибших участниках неофициальной среды и развитию их начинаний. Лев Лосев, участник филологической школы, стал впоследствии профессором литературы. Леонид Чертков многие годы изучал забытых авторов начала XX века, а Владимир Эрль участвовал в издании собраний сочинений Даниила Хармса и Александра Введенского. Симптоматичны с этой точки зрения и эксперименты Хеленуктов с поэзией Серебряного века.

Особый интерес представляют, в-пятых, многочисленные поздние – с 1990-х годов и до настоящего времени – свидетельства самоописания участников неофициальной культуры: интервью, воспоминания и дневники. Практики такой авто-мемориализации отражают не в последнюю очередь попытку уловить некодифицированное, нематериальное,

эфемерное: жизнетворчество, быт, устную коммуникацию, в целом плохо поддающийся архивации жизненный мир андеграунда, существовавшего в большой степени не в артефактах, но в практиках общения (ср., напр., мультимедиаальные издания «Газаневщины» или «АПТАРТА» с их фотографиями, стихами, рисунками, каталогами и воспоминаниями).

Наконец, тема архива интересна в свете новейшего развития гуманитарного знания. Последние два десятилетия и особенно 2010-е годы стали новым витком документации и канонизации наследия андеграунда. Производится дигитализация произведений сам-, там- и магнетиздата, издаются и переводятся на разные языки (но в основном все же на английский) новые антологии, каталоги, собрания сочинений и мемуары, именами крупных представителей неофициальной литературы называются конкурсы и премии. Что означают эти тренды для будущего восприятия советской неофициальной культуры и можно ли говорить о каких-то симптомах поздней реактуализации и постпамяти (напр., в ситуации расцвета неоавторитарных режимов)?

В центре внимания будут **следующие темы** (во многих точках пересекающиеся друг с другом):

1. Практики и семантика сохранения, поддержания и сокрытия архивов неофициальной культуры в среде андеграунда; архив как табуированная зона (в том числе создание тайных сетей коммуникации и распределения, как, напр., в случае переправки артефактов за границу или самиздатовских библиотек Вячеслава Игрунова и Юрия Авруцкого);
2. Перформативные архивы андеграунда (напр., «Коллективные действия», МАНИ, Н.А.И.И., АПТАРТ, ТОТАРТ и др.);
3. Приемы архива в поэзии и искусстве андеграунда: сериальность, нумерация, опросники, каталогизация, мнимое упорядочивание и отбор, жизнетворческие практики уничтожения/ разрушения;
4. Авто-архивация и авто-документация неофициальной культуры как исследовательская практика самоописания;
5. Участники неофициальной культуры как культурологи, искусствоведы и филологи;
6. Неофициальная культура как анти-архив, практики документации неархивируемого тогда и сейчас: жизнетворчество, быт, коммуникация, импровизация (Анатолий Зверев, Осип Дриз и др.); перформансы и концерты как плохо архивируемые единицы культурного наследия;
7. Технические и медиаальные инструменты (авто-)архивации: печатная машинка, бумага, фотографии, магнитофон, квартиры как музеи и библиотеки; приватность архивов и ее последствия;
8. Мобильные архивы: трансфер памяти, «вынужденная» транснациональность (тамиздат, зарубежные коллекции и выставки и др.);
9. Архивы КГБ: режим как субъект культурной памяти неофициальной культуры (доносы, материалы уголовного дела и пр.);

10. Архивация андеграунда сегодня: цифровые архивы и интернетные платформы (напр., RAAN Archives, Garage, МАНИ, igrunov.ru): их эстетика и значение для последующего восприятия неофициальной культуры; собрания «Мемориала», Бременского архива и др.
11. Поздняя (авто-)мемориализация и канонизация неофициальной культуры (напр., переиздание «Поездок за город» 1998 года; мемуарные издания Кизевальтера, Брускина, Кабакова, Гробмана и др. в НЛО; ностальгия по самиздату/стилизация изданий самиздата после 1989; альбомы, каталоги и аудиозаписи Гюнтера Хирта и Саши Вондерса [Георга Витте и Сабине Хэнсен] – Präprintium, Lianosowo и др.).

Конференция должна стать подготовительной дискуссионной площадкой для издания **фундаментальной монографии** в 2022 году.

Организатор конференции: кафедра славянских литератур, институт славистики университета Дрездена, проф. Клавдия Смола. Заявки на участие в конференции – **заглавие и резюме доклада объемом до одной страницы** – присылайте, пожалуйста, на адрес: klavdia.smola@tu-dresden.de. Срок подачи заявок: **15 мая 2020 года**.